



*Автор:*

*Цицилин Иван*

*учащийся 9 класса*

*Руководитель:*

*Селезнева Ольга Александровна,*

*учитель истории*

*МБОУДОД ЦДОД «Малая академия» г. Краснодара*

## ВЫЖИТЬ – ЭТО УЖЕ ПОДВИГ

За годы Второй мировой войны, из всех оккупированных стран фашисты свозили в Германию русских, поляков, украинцев, чехов, белорусов, французов... Фашистской промышленности были необходимы тысячи отборных, здоровых, крепких юношей и девушек. И в Германии, и в оккупированных странах Европы были созданы концентрационные лагеря, тюрьмы, гетто, где в тяжелейших условиях содержались и уничтожались различными методами и средствами люди. Из 18 млн. граждан стран Европы, прошедших через лагеря различного назначения, в том числе и концентрационные лагеря, было уничтожено более 11 млн. человек (1).

Немецкие концентрационные лагеря Второй мировой войны теперь вспоминаются лишь как один из самых горьких эпизодов истории человечества, которые показали нам, насколько окружение влияет на личность человека, оставив после себя урок, который мы должны хорошо усвоить. В настоящее время в Германии принято разделение мест принудительного содержания людей в период Второй мировой войны на концлагеря и «иные места принудительного заключения, по условиям приравненных к концлагерям», в которых, как правило, использовался принудительный труд (3).



Вот в таких «иных местах принудительного заключения, по условиям приравненных к концлагерям» и находился не по своей воле Юрий Антонович Пухляк, который в юношеском возрасте был насильно вывезен немцами в Германию и как раб использовался на производстве.

Семья Пухляк, состоящая из Юрия Антоновича и его родителей, проживала в городе Краснодаре на улице Красной, д. 69. На той же улице находилась и школа № 40, в которой Юрий учился. Папа Антон Семенович до войны «работал заведующим мед. пунктом, в совхозе плодоовощном каком-то, мама Наталья Ивановна работала хирургической медсестрой в адыгейской больнице у какого-то знаменитого хирурга (Ряднов Савва Моркьянович).

Папа получил повестку еще до начала войны, до 22 июня. Его так быстро потому и забрали, что он офицер, да еще и мед. работник военный. В военкомате ему сказали, что нужна фотография 9х12. Я фотографировал его, помню, на треногу поставил «Фотокорн», и в комнате сфотографировал его по пояс. Короче, 22 июня война началась, а 23 мы с мамой уже его провожали».

В июле – сентябре 1941 г. Антон Семенович попал в окружение наших войск под Киевом. По данным, опубликованным в 1993 г. Генеральным штабом Вооруженных Сил РФ, потери наших войск составили свыше 700 тыс. человек. «От папы мы получили только один «треугольничек». В этом письме отдельно для меня, как для пацана, было сказано, что он получил форму (я забыл, какое звание у него, вроде, старший лейтенант) и пистолет ТТ. Письмо пришло с какого-то места, где-то под Киевом, по-моему, Лутск и всё, и на этом кончилось. Так как он считался без вести пропавшим, то мама в военкомате получала какую-то пенсию».

В мае 1942 г. Юрий закончил 8 класс. К этому времени овладев Крымом, немецкие войска устремились на юго-восток: заняли Донбасс, вышли к Дону. 24 июня пал Ростов-на-Дону – ворота Кавказа. Руководство нацистской Германии придавало огромное значение захвату Кавказа. Ведь Баку и Грозный



были основными источниками нефти для всей экономики страны. Кроме нефти в регионе имелись значительные запасы других полезных ископаемых. Также Кубань являлась одним из важнейших зерновых регионов. План немецкого командования по взятию Кавказа получил название «Эдельвейс». Осуществляя этот план, немецкие войска 2 августа 1942 г. взяли город Сальск, 5 августа – Ворошиловск, а 6 августа 17-я немецкая армия начала наступление на Краснодар (2).

В начале июня в спешном порядке началась эвакуация из Краснодара госпиталей, военных училищ, детских домов, заключенных. Однако, семья Пухляк не была эвакуирована. С 1 – 2 августа начали закрывать учреждения, магазины, не выпекался хлеб. А с утра 6 августа в городе началось безвластие. Все общественные, государственные объекты уже не охранялись. Начался грабеж заводов, фабрик, магазинов. Однако, как вспоминает Юрий Антонович, и «во время оккупации были грабежи нашим населением магазинов. Так, у нас во дворе был магазин, наши побоялись замки снимать, привели немцев и сказали, что там водка, те замки сняли, водку забрали, а наши – остальное».

К вечеру 8 августа немцы, смяв нашу линию обороны от Пашковского моста до берега Кубани, западнее Краснодара, прекратили наступление. Части нашей армии отошли в город и всю ночь отступали через мосты Энема, оставляя в городе арьергарды прикрытия. В ночь с 8 на 9 августа наступило затишье. Утром немцы начали наступление по захвату Краснодара. К полуночи немецкие передовые части достигли мостов и заняли оборону от Пашковского моста до западной окраины Краснодара. Таким образом, 9 августа 1942 г. вся территория города Краснодара была занята немцами (2).

Юрия вместе с другими учениками не было на тот момент в городе: «Мы работали в совхозе «Агроном» Динского района, наша школа работала там, убирали мы и фрукты, и поля, сельхоз. Работы, в общем. Военное время, все-таки, тогда все работали, ну, вот и мы школьниками ездили. Там нас немцы и



захватили, мы ведь там и жили. Они гражданскому населению ничего не делали, проехали и всё. И мы домой вернулись.

На улицах города были такие цементные треугольники, их еще наши построили, а немцы на них объявления свои вывешивали. Помню, было, объявление: собраться еврейскому населению в каком-то месте и иметь при себе все драгоценности и прочие дела. В нашей подворотне был большой плакат, и на нём было нарисована антисоветчина: нарисован земной шар, глобус, и по нему бегут люди в форме НКВД, как сейчас помню, и написано: «Разбежались паразиты и не вернуться больше никогда». А еще портреты Гитлера наклеивали, голубоглазые такие, цветные».

Нас заставили всех регистрироваться, регистрация проходила в тех же зданиях, где мы раньше получали паспорта, в этих зданиях штампик в наш паспорт ставили.

Сами немцы-солдаты относились к населению по-разному, всякая полиция СС-овская была страшной, а солдаты – по-разному: были и такие, которые понимали, что такое война.

Облавы были на базарах, и мне рассказывали, были повешенные, говорили, что за воровство, но я сам не видел, что было написано у них на табличках.. Облавы были и на Сенном, и на Кооперативном рынках. Наши занимались торговлей на рынках, но и немцы тоже там участвовали, и их, немцев, ловили. У них была комендатура немецкая, им запрещали общаться и торговать. Но жрать же надо, да и в Германии тоже видно не так гладко с продуктами было, потому что они наше постное масло подсолнечное запаивали в банки и, видно, посылали домой на родину.

В домах, во многих квартирах расселены были немцы, и надо сказать, что люди, которые с немцами жили в домах, получали от них еду какую-то. Еды ж не было, с продуктами очень плохо было, сами понимаете, что такое военное время. Я вспоминаю, хлеб был, где его мать покупала, я не знаю, но на зубах



скрипел песок. Мы с товарищем ездили по району на попутках или пешком ходили и меняли на продукты всякие носильные вещи. Ну, вот мы с товарищем на машине какой-то доехали до Усть-Лабы (г. Усть-Лабинск). Нас там жандармерия подхватила, а вернее, военно-полевая полиция. Ну, в общем, забрали нас. В декабре это было. Не помню, в каком-то доме нас продержали, потом привезли на машине на станцию железнодорожную Кавказскую, посадили в товарный вагон, а в этом вагоне было уже много наших молодых ребят, и пол был застлан соломой. Холодное было время такое, голодное, вот закрыли нас, и по дороге давали воду, ну и кое-какую еду.

Везли через Украину, помню в Перемышль (Западная Украина) через санпропускник какой-то пропускали, видно, боялись занести какую-нибудь инфекцию дальше в Европу. Короче говоря, привезли нас в Германию, в город Пирмазенс. Там, как бы это сказать, какой-то пересыльный пункт в лагеря был. Бараки и полно людей всяких. Кого только там не было. И там распределяли по лагерям, рабочим лагерям так называемым. Оттуда нас, человек, ну не меньше 100, это точно, привезли в город Саарбрюккен (это на границе с Францией, запад Германии) (карта 1). На вокзале нас встретила заводская полиция, это с завода, на который привезли нас работать. Завод назывался «Брун Бовери» – это электротехнический завод, на котором выпускали электродвигатели.

Нас привели с вокзала с вагона прямо на этот завод. По улицам шли мы долго. Это было перед самым Новым 1943 годом, буквально 30 декабря, что ли. Пригнали нас в лагерь, бараки охраняемые полицией, в лагере нас, может быть, было человек 500 – 600. В лагере все национальности из нашей страны, украинцев много было.

С лагеря нас каждое утро пригоняли на завод. Работали мы всякими подсобными работниками, стружки убирали из-под станков. Кормили это ужас как: баланда, которой надо сказать, можно кормить только животных, картофель, брюква, всякий шпинат там.



Мы, я и товарищ мой, фамилию его забыл, договорились бежать. Нам украинские девушки говорили: «Не вздумайте бежать, потому что всё время тех, кто убегает, находят». Да, конечно бежать – это безумно, но бежать можно было, ограда была, территория охранялась полицейскими, но была сетчатая ограда, не колючая проволока, потому что это не концлагерь ещё был, а просто рабочий лагерь для рабочих. Охрана в этих рабочих лагерях не была такой жестокой, как в концлагере. Ворота охраняли, у ворот, в таком же бараке деревянном, было специальное отделение, где дежурили полицейские и охрана лагеря. По периметру ходили охранники, но обычно это были пожилые люди, военное время, все мужское население всё было у них на войне. А через проволоку можно было за бараками перелезть запросто, она невысокая была. Так что оттуда бежать можно было, но куда бежать?

Язык я очень плохо знал, хотя в школе изучал, но приходилось язык по ходу учить. Система такая, что утром приезжает заводская полиция в лагерь, строят три по три в строю. Все фразы по-немецки. Мы немецкий, конечно, начинали узнавать, потому что если не знаешь язык, будут колотить бесконечно, если ты будешь не понимать. Так что язык приходилось быстро усваивать.

Строили нас и через лесок, там не большой парк какой-то, приводили на завод и потом нас опять туда же, в лагерь. На завод привозили баланду вот эту, а утром в барак приносили хлеб, который разрезал кто-то из нас, один отворачивался и кричали – кому. Ну, понятно почему, чтоб не обидно было, кому больше кусок, кому меньше. К хлебу давали маленький, такой как полкоробка спичечного, маргарин и иногда какая-то колбаса. Хлеб был смешан с чёрти чем, вообще какой-то ненормальный хлеб, как искусственный какой-то. Но мы из этого выделяли немножко хлеба и накопили немного для бегства.

Месяц мы буквально в этом лагере пробыли и сбежали. Перелезли через сетчатый забор, сели на трамвай, а одежда была ещё та, в которой нас взяли.





Мы, конечно, выделялись среди жителей, но как-то доехали до вокзала. Не помню, откуда у нас были деньги небольшие, мы купили перронные билеты. Эти билеты, между прочим, так же как и у нас на вокзалах до войны покупались, чтобы пройти на вокзал. Были там автоматы, мы какие-то деньги бросили и с билетами пришли на перрон. У нас была задача такая: мы с ним думали, доедем до Франкфурта-на-Майне с Саарбрюккена, а оттуда в Польшу на Варшаву. Вот такая у нас мысль была.

Мы ходили по перрону, и когда тронулся поезд пассажирский, то заскочили на ступеньки, а там лестнички сбоку вагона и по ним мы на крышу поднялись. Так на крыше и ехали, но чтобы нас не поймали, то когда поезд на станции приходил, мы слезили с той стороны, где не было людей, посадок, ничего. А Володя вышел один раз со стороны перрона, я говорю: «Володя, ты что делаешь, схватят нас». Ну, и через две остановки, он опять на перрон спустился – и его схватили. В общем, до Франкфурта-на-Майне я доехал уже один. Вспоминаю, как на последней остановке я держался за ручки – и меня чуть не сорвало, встречный поезд проходил и как я удержался, не знаю.

И вот, заходит поезд во Франкфурт-на-Майне, а там крытый вокзал, кругом свет, между прочим, современнейший вокзал. Стал я спускаться, а там стоят полицейские. Когда они прихватили Володю, начали его бить, он и сказал, что ещё один едет, и меня уже ждали. Ночью это было и меня до утра в камере продержали, а потом увезли в тюрьму во Франкфурте-на-Майне.

В камере тюрьмы нас было человек 70, если не больше, все разных национальностей. У Володи осталась такая небольшая посуда с маргарином, а у меня был небольшой пакет хлеба. Хлеб этот все сразу же расхватили, моментально. Нет, у меня его не отобрали, насколько я вспоминаю, в камеру зашёл и все, сколько там было людей, похватили хлеб и поели, все ж были голодные. А у меня рука опухла от фурункула. Он у меня еще в лагере начинался, в дороге я его застудил, потому что было холодно, февраль же был.



Так, когда они увидели мою руку, начали колотить в дверь, чтоб меня врач посмотрел. Никто на это не обращал внимания. Я в этой тюрьме совершенно мало был, ночь или 2, и меня перевезли в гестаповскую следственную тюрьму.

В каком-то подвале в камере было нас также человек 70 – 80. Кого там только не было: и капитаны были, я имею в виду, голландцы, и скандинавские моряки за саботаж какой-то там, мы ж с друг другом общались и даже было человека 3 еврея, у них желтые звёзды были на пиджаках. Жёны у них были немки и смешанные дети. Я позже удивлялся, как они ещё были живы, потому что евреев немцы ж уничтожали. Попали эти евреи за какие-то пустяки, куда они потом исчезли – не известно. Нас с этого подвала каждый день по 2, 3, 4 человека увозили в гестапо на допросы. Там я пробыл примерно с полмесяца, пока меня с одной группой не привезли в гестапо на допрос.

Здание гестапо было многоэтажным. Приводили нас в коридор и 2, 3, 4 человека у каждой двери стояли и слышали, как допрашивали других. Слушаешь – и думаешь. Завели меня на допрос. Переводчик наш, русский, но одет как немец, видно, из тех, кто там жил. Один гестаповец за машинкой печатал, а другой спрашивал. Был вопрос: «Почему бежал?», и я ответил, что невыносимые условия у вас и прочее. Я уже не помню, что еще сказал. У него палочка была такая длинная, так он мне по щеке один раз ударил.

Опять привезли меня в гестаповскую тюрьму, и в этой тюрьме ещё неделя прошла. Кормили плохо, состояние было, вы представить себе не можете, какое. В камере были нары двухъярусные, и вот, когда кто-то из охранников открывал дверь, даже тогда когда мы только начинали слышать, что он ключ вставляет, мы должны были все, сколько нас находилось, спохватиться с нижних, верхних и выстроиться, пока он открывает. Если он откроет, а мы ещё не выстроились, то колотили всех подряд, разгоняли и снова открывать дверь. Ну, эти издевательства – это ещё цветики были, а вот, когда привезли в лагерь в предместье Франкфурта-на-Майне, Гидргайм (карта 1) (это





я запомнил, сколько мне уже лет, а помню название), вот там были издевательства.

По дороге в лагерь, в автобусе, когда мы ехали, немца к нам какого-то посадили. Его за какую-то провинность взяли. Привезли нас в этот лагерь, а там система охраны СД – это служба безопасности, у них на рукаве были буквы СД. А еще у них, также как и у эсесовцев черепки со скрещёнными костями на фуражках. Привезли нас и вытряхнули с автобуса. Территория лагеря представляла собой: бараки кругом, посередине территории 2 или 3 бассейна противопожарных, ведь бараки деревянные, и вся территория засыпана шлаком. Шлак видно с литейных заводов, мелкий такой и острый. Я его запомнил на всю свою жизнь. Они так издевались: свисток – бежишь, свисток – падаешь (и падаешь на острый шлак), снова свистнул – подхватываешься и снова бежишь. Я первый круг не пробежал, мы там слабые настолько были, что качало нас, состояние такое было ещё до этого лагеря.

Когда нас вытряхнули из автобуса, то избили. Немца, ну того, которого к нам в автобус посадили, избили страшнее. Меня избили, но на мне было пальто какое-то, и сам подняться я не мог. А немец этот за опору электрическую схватился, и офицер который там у них был, колотил его сапогами по голове. Потом нас в барак специальный загнали, одежду с нас сняли, в мешки всё сложили и прогнали через душ, вышли мы с другой стороны. Мешки с одеждой куда-то убрали, а нам выдали полосатую форму: шапка полосатая, куртка полосатая и брюки. В следующей комнате надо было стричь друг друга. Машинки дали нам ручные, не электрические, и немца этого мы еле подстригли, так как у него всё слиплось от крови. Дальше судьбу его не знаю, на этом наша встреча с ним и закончилась, потому что в этом лагере тоже кого только не было, а всего, наверное, было несколько тысяч человек.

Потом выгоняли нас из барака по несколько человек. Мы строились возле барачков, подавали куртку такому же, как и мы в полосатой куртке, и он на



машинке пришивал номер. Мой номер был 2020. Номер нужно запоминать, потому что фамилий никаких, только номер везде. После того, как мы одели эту одежду с номерами, нас заводили в комнату и фотографировали с номерами этими. Причём насколько я заметил, техника была такая: не ты поворачиваешься, а он рычагом двинет, а ты сидишь в специальном устройстве, и кресло это крутится, и он фотографирует.

В каждом бараке люди разных национальностей жили. В одних – французы, в других – итальянцы, и т.п., и наш русский барак был. И всё это на одной территории. Вокруг территории – двойной забор из колючей проволоки. Были и собаки. Может, проволока и была под напряжением, я не знаю, бежать там не пытался, да и не смог бы. Никакого сравнения между рабочим лагерем и концлагерем.

Утром подъём на самом-самом рассвете, холодно еще, а куртка тонкая. Каждый день одно и то же. Утром залетает в барак какой-нибудь эссесовец в форме, кто дежурный спрашивал, и на лбу дежурному, не помню чем, то ли карандашом каким-то, ставил знак, чтобы знать, кто дежурный. В обязанности дежурного входило следить за тем, чтоб всё было в порядке, например, кровати должны быть застелены. А кровать – это деревянные двухъярусные нары, матрац из хлопчатобумажного шнура, как сетка мелкая, солома посередине, никаких простыней не было, в одежде на этом спишь, и одеяло, тонкое какое-то одеяло. Но надо было заправлять, если только придёт офицер, который отвечал за порядок, увидит, что что-то не так, значит лупит и того, и дежурного. А еще дежурный следил, чтоб мусора не было.

Ну вот, выгоняли нас по пояс голых из барака умываться на улицу. Там стояли такие рукомойки в ряд. С одного барака выгонят плеснёшься чуть-чуть и обратно. Когда выскакивали из дверей барака, то каждого считали палкой или шлангом по спине, и обратно опять считали. Причём, в шланг вставляли болты. Всё время палочная система – били без конца, все они ходили



со шлангами. Один раз в строю заговорил, так охранник специально подошёл ко мне и кулаком прямо в фурункул, а один раз помню, шлангом по голове, так у меня рубец такой вздулся сразу, но били без конца.

Утром нам давали какую-то траву, заваренную и маленький ломтик какого-то искусственного хлеба. После такого завтрака снова выгоняли из барачков, строили в ряды большие. Затем один немец звал каждого, т.е. разбивали на команды и выкрикивали номер. И если ты только прозевал свой номер и не сказал «здесь», то подходишь к нему, нагибаешься – и он тебя шлангом 3 раза по телу. Поэтому номер свой запоминали быстро. Выстраивались команды, человек по 30 – 40, вокруг них – охранники, и гнали нас в какое-то поле. Короче, завод там собирались какой-то строить. Мы для фундамента рыли котлован вручную, вагонетки гоняли. Такими ослабленными были, кошмар. Да еще холодина страшная. Охранники сидят, автомат на колене, а рядом бочка с пробитыми дырками, греются, нам подойти нельзя. Хотя ещё какие охранники были: или зверьё страшное, или более-менее нормальные, так те ещё разрешали подойти. Когда рыли котлован, то, бывало, находили картошку, потому что поле это раньше было засеяно картошкой и, видно, с урожая оставалась. И если охранник был нормальный, то пекли ее возле той бочки, но это если разрешали, и было это очень редко. А так из лагеря нам обед привозили: какой-то лоток деревянный с ручкой, там хлеб и колбаса, какая-то мокрая, непонятно из чего сделанная, и баланда.

В этом поле, на работе, цементные мешки были, там уже фундамент закладывать начинали. Работали на фундаменте обычные рабочие, а вот земляные работы узники делали. Так мы вытряхивали этот цемент, вырезали жилет, дырки под руки и одевали под куртку, чтоб теплее было. Но, когда в лагерь вечером возвращались, то снимали мешки, щупали нас этими самыми палками, которыми колотили, и если находили, то сразу же раздевали и лупили за это. Меня один раз прихватили с этим, отлупили.



В бараках не так холодно было, как на улице. А на улице в этой одежде была холодина страшная, я вспоминаю, тело у меня, вроде как привыкать начинало, вот мохом обрастало от холода. Всё время холодно. Выстраивают нас, когда эти списки оформляли на работу, т.е. когда номера называли и команды строили, смотришь, вот люди стоят: там итальянцы, там французы. Дождь или мокрый снег идёт, смотришь, один упал, второй упал, но в основном падали не русские. Я настолько был удивлён, как я мог выжить, потому что мама меня вечно (я один сын был) кутала, чтоб шарфик, шапочку надел, следила. Хотя я, вообще-то, спортивный был парень, занимался до войны лёгкой атлетикой, боксом и плаванием, вообще, закалённый парень. И я удивлялся, зиму я там пробыл в этом лагере и ни разу не простудился.

Для нас самый страшный день был – это воскресенье. В этот день на работу не гнали, а в лагере издевались. Гоняли нас по лагерю или гимнастику заставляли делать. А обувь – матерчатый верх, а подошва деревянная, не гнётся, и вот попробуйте гимнастику с такой обувью. Если только не нагибаешься, он лупит. Если в туалет попросишься (а в туалет, наверное, ходили в неделю раз) давали одну минуту. Ходить пешком нельзя было, мы всё время бегали, везде передвижение только бегом. Вместо гимнастики бревно таскали по очереди. Вот бревно на плечо и с ним по кругу бегали, таскали его по кругу по этому, вот бревно на плечо и бегали бегом, так вот охранники, которые заставляли это делать, если стоишь в строю, заговорил, мне он специально подошёл и кулаком прямо в фурункул.

В мае уже, как-то утром пришёл за мной полицейский. Полосатую одежду с меня сняли и выдали мою одежду из тех мешков, куда мы ее сдавали. Одного меня он повёз на троллейбусе или автобусе, не помню, на вокзал. Специального арестантского вагона почему-то не было, и он меня обратно повез в лагерь. Вернулся я в свой барак, но на земляные работы меня перестали гонять. Отправляли работать в итальянский лагерь. Он был рядом с нашим,



провода в проволоку. Это был простой рабочий лагерь с итальянскими рабочими. Рабочие были не узники, а добровольцы, помню, у них на дверях висели портреты Гитлера и Муссолини. В этом лагере я убирал территорию, и вот там я бычки сигарет собирал, я не курю, а курево я своим относил. Курева ж не было, а если кто-то находил на дороге, когда на работу гоняли, то прикладом били по спине тех, кто за этими бычками нагибался. Меня можно было арестовать, если б поймали с этими окурками, которые я приносил.

Я оставался в своей одежде, но у меня там сильно брюки порвались. Итальянцы увидели - и мне свои дали. Еда у них была совсем другая, и они мне разрешали кушать. Короче, обкормили меня итальянцы, а мне нельзя было есть много, а я столько наелся, что чуть-чуть и концы не отдал. На мне ж сзади висела кожа, вот такой худющий я был.

В лагере, где я жил, был медпункт какой-то и врач эсесовец. Ну, когда мне плохо стало, я к нему. Сказал, что у меня отец медик, и он мне дал какие-то таблетки, короче спас он меня. А еще и фурункулы вылечил. Он у меня на щеке был и на шее был. Так он брал пинцетом, срывал прямо головку и оттуда стержень этот вытаскивал, это тихий ужас, на живую, чем-то там мазал.

За эту неделю кто-то бежал, хотя бежать оттуда было нереально. Я не помню, русский или иностранец какой-то, но его поймали. Так вот вы не представляете, я видел, как этот, сволочь, который нашу команду гонял и на работе сидел, грелся у костра, пожилой немец СД, его избивали. Он бил его палкой этой, шлангом, вы не представляете, это смотреть на его спину и зад, это синее какое-то месиво, забивали его до смерти. Его другой эсесовец остановил, потому что другой уже не мог на это смотреть.

Через неделю меня снова отвезли на вокзал, уже посадили в этот вагон и, как сейчас вспомню, со мной ехал в одной камере (там по 2 человека клетки разделены) какой-то жулик немецкий, кажется воришка, так я понял по разговору с ним. Привезли в Саарбрюкен и снова меня в тюрьму, неделю я был



там, в одиночке. Как сейчас помню, в камере окно: такая гористая местность, сады цветут. Я как-то сел на откидную кровать, а в глазок увидел охранник и залетел, говорит «Не сидеть, не спать, ходить». Ходишь по камере, ну, иногда там на скамейку сядешь, на кровать нельзя. И за эту неделю там на какую-то работу выгоняли с камер. Через неделю приехал за мной из лагеря полицейский, Антон его звали. Он как раз в ту смену охранную был, когда мы сбежали. Между прочим, моего товарища на другой же день вернули в лагерь, в Саарбрюккен, а меня вот в Франкфурте-на-Майне сняли, и попал в концлагерь. Над ним после возвращения издевались. Я вот как сейчас помню, выхожу из тюрьмы, Антон поднялся, увидел меня (фраза по-немецки), на кого я похож. Кожа на мне висела, такое состояние было, что если меня раздеть, то у меня на заднице висела бы шкура на костях.

Привёз он меня в лагерь, а был уже 1943 г., и если бы не украинские девушки, которые работали на кухне, я бы помер. Они не давали мне есть баланду жидкую, потому что я бы опух, потому что очень часто погибали те, которые после тюремного лагеря начинали есть жидкости много, короче говоря, они меня спасли. А вообще еда в лагерях не очень отличалась друг от друга, ее просто в нашем лагере было больше, чем в концлагере.

Да, и бараки были такие же, как в концлагере, и матрасы такие же, эта ж система была отработана, в лагерях абсолютно они все стандартные были, сборные, лагеря стандартные и везде эти бассейны противопожарные, потому что бараки – дерево.

В лагере меня туалеты заставили убирать, раз я бежал. И на заводе мне тоже дали работу как провинившемуся. В асинхронных электродвигателях есть короткозамкнутый ротор. Этот ротор заливается алюминием. И я, слабый после лагеря, ковшом с раскалённым алюминием, заливал его в формы с этим ротором – эти электродвигатели. А работа эта тяжёлая, да и условия жуткие, цех горячий. Утром за нами приезжала охрана полицейская с завода, ещё темно





было. Выгоняли нас из бараков, строили и вели на работу. Вечером нас заводская полиция отвозила в лагерь, мы допоздна работали.

И все время на меня полицейские смотрели, это из-за побега. Особенно заводской полицейский, кличка его была «Драйн Драйн», он всегда это кричал. И морда у него была в круглая, нос крючком, ну карикатура, а не человек был.

А еще на заводе был немец моего возраста, он рядом со мной работал на каком-то там станке. Да, он мальчишкой был, там же мальчишки и работали, и в нашей стране заставляли работать, и нужно было работать. Рабочим, не смотря на то, что не разрешалось разговаривать с нами, общаться, их кара ждала каждого, система у них была нацистская. А он каждый раз какой-нибудь бутербродик мне подсунет на тихую, Гельмут его звали. Да, немцы ж видели, что мы ели, они, конечно, питались совсем по-другому. А у нас голод всё время был, я постоянно голодный ходил. Баланды не хватало, я как вспомню этот кусочек хлеба, и думаешь: «Его сразу съесть или как»? И сны... сны: матери утки жареные, представляете как это, особенно в концлагере, вот проснёшься, подушкой это назвать нельзя, это солома и там мокрое место, а снится утка, фаршированная яблоками.

В июне месяце, когда американцы высадились во Франции, немец этот, который меня подкармливал, как-то утром пришёл и говорит: «Юрий, американцы уже высадились в Нормандии во Франции, скоро ты домой поедешь».

Нам на заводе иногда давали вещи, видно снятые с людей в концлагерях или где еще, не знаю, для таких лагерей, как наш. Там всякие поношенные вещи привозили и давали.

Где-то через 6 месяцев нас потом из нашего лагеря перевели в лагерь большой, в котором мы пробыли уже до конца. Этот лагерь был там же, только в километрах 2 – 3 от нашего. Там было несколько тысяч людей, а рядом еще лагерь военнопленных и французский лагерь был, а еще завод какой-то



литейный, громадный. Но мы работали на том раздельноже заводе, только проезжали дальше.

В декабре 1944 года американцы подошли к нашему городу, потому что начали снаряды залетать. И этот завод литейный бомбили американцы всё время, всё время в тревоге. Рядом с лагерем была гора, и там тоннель был, и, обычно, как тревога, так нас туда выгоняли всех и там мы прятались. Один раз налетели, бомбили этот завод и даже рядом с баракком, где я жил, бомба попала.

Стали эвакуировать город Саарбрюккен и завод в том числе, и лагерь, потому что бомбёжки были страшные. Комендант нашего рабочего лагеря меня и ещё там 2 – 3 человека отправил в больницу, увозить рентгеновскую аппаратуру. При этом лагере была больница. Когда аппаратуру мы убирали, то с нашими украинскими девушками, которые работали при больнице, мы договорились, что убежим. То есть не будем эвакуироваться. И когда уже всех угнали с лагеря, мы в эту больницу сбежали. Там был чешский врач, его немцы оставили вместе с другими больными. Кого можно было, немцы эвакуировали, но были такие больные, кто не мог сам двигаться, было уже много раненых, ведь снаряды падали. Этот чех сделал так, как будто у нас поломанные ноги, короче в гипс уложил. Замотали мне ноги сухим бинтом, потом сверху гипс.

Мы думали, что американцы нас быстро освободят, но потом американцы остановились, зимняя кампания у немцев была, прорыв где-то был под Арденнами. Бежали мы в декабре, Новый Год 45-й мы встретили в больнице и пробыли там до 20 марта, когда Саарбрюккен освободили американцы.

Между прочим, в этой больнице был подвал громадный и полный картошки, мы потом уже при американцах приезжали за ней, и немцы нас просили ее оставить или чтоб не всё забирали, зная, что кушать нечего, да и на посевную надо. Да и вокруг больницы были пустые дома, население ж эвакуировали. Мы по домам ходили, есть искали. Причём там было много двухэтажных, одноэтажных, короче коттеджи всякие немецкие были, а у них в



подвалах масса всяких консервированных продуктов, в одном месте, помню, нашли муку, мешками притащили. Но чаще в подвалах яблоки находили, всё что угодно находили. Надо ж было еще и настоящих раненых кормить. Помню, и лошадину мы ели. Передвигаться мы могли только ночью, потому что штурмовики всё время следили, они и нас один раз заметили, обстреляли, они ж не видят, кто это. Один раз сбросили 2 или 3 бомбы, небольшие, но, хорошо, рядом, не задели нас. Я ходил с товарищем по домам, ходили по 2, 3 человека. Ходили и те украинки, которые как обслуга, ну низший персонал больницы. Ходили и те, которые были больные, а потом выздоравливали за это время. Лекарств было много, и перевязочных и просто полотенец, я вспоминаю, что ничего не стиралось, мы всё время брали на складах новые вещи. Больница была большая и мы 4 месяца там перекаптовались, пока американцы нас не освободили.

Перед самым приходом американцев, немцы нам привезли человек 10 – 15, раненых пленных с нашего лагеря. Когда их эвакуировали, снаряд попал прямо в колонну. Их привезли к нам, зная, что у нас есть чех-врач, перевязочные материалы. И вот мы ухаживали за этими ранеными. Из них человека 3 умерло, и мы их похоронили на немецком кладбище. Вот думаю, ведь никто ж никуда не сообщал, это ведь люди, без вести пропавшие, считайте. Когда американцы пришли к нам, то оставшихся больных нужно было в стационар, потому что ранения серьёзные. Американцы приехали на машинах, погрузили их и отвезли в какой-то госпиталь. На этом наша эпопея с ними закончилась.

Нас из больницы американцы перевезли в лагерь так называемых перемещённых лиц. Раньше это был городок немецких лётчиков. Тоже стадион такой большой, вокруг здания 5-6 этажные и там кого только не было, все национальности. В этом лагере, конечно, кормили нас очень много, кормили нас американцы даже шоколадом. Давали нам пайку военную – большая банка, открываешь ее, а там среди них банка с маслом, банка с сыром, банка с чаем,



сухое молоко, его потом с чаем разводишь. У американцев была доска специальная, и на ней была вывешена калорийность всех продуктов, которые нам на сутки положены были. Это ж норма была международная, красный крест ее установил. В этом лагере я был примерно до июня месяца. Конечно, были агитации не уезжать, но насильно никого не заставляли. Оставались в основном чехи, немцы. Русские американцы были, они нам рассказывали, что нас ждёт, оно так и получилось.

Относились они к нам как к союзникам, потому что они видели всё это, проезжали, освобождали все эти лагеря, это мы ещё не знали всё досконально. Я познакомился с немцами, которые пытались меня уговорить в Германии остаться. Была у меня знакомая семья – пожилой Карл и его жена фрау Юнг. Он социал-демократ, в концлагере сидел фашистском как противник их партии. У него все зубы вставные были, он их в лагере потерял. Я привозил им с американского лагеря кофе в зёрнах, для немцев оно было в то время дефицитом. Они жили в 30 км от Саарбрюкена, я к ним на трамвае ездил, а вот как я с ними познакомился, уже не помню. Они мне говорили: «Куда ты едешь, от Гитлера к Сталину, это ж два бандита». А я им в ответ: «Я на родину еду».

Назначили американцы день выезда нас, русских. Мы, конечно, в Германии нахватались всяких вещей у немцев, вроде как «отомстили им», но я ничего домой не привёз. Приехали машины, большие, грузовые, негры шоферами были, посадили нас на эти машины и привезли на вокзал. Были приготовлены вагоны, а в этих вагонах еда, питьё, чтобы мы ни у кого из населения не брали, потому что они отвечали за наш перевоз в зону оккупации Германии. Нас, со всем нашим скарбом, в вагоны погрузили и приехали мы в Лейпциг Саарбрюкена. Из Лейпцига нас снова в машины такого же типа и через Эльбу, как сейчас помню мост, флаги американские и наши. Переехали мост и поехали по указанию уже наших флажков. Проехали много километров по нашей территории и в чистом поле, а было жаркое лето, нас высадили.



Шоферы – негры посмотрели и дали нам указание идти пешком. Короче говоря, всё, что у нас было, кроме еды, всё побросали, потому что идти было тяжело. Потом в наш лагерь перемещенных лиц пришли, я не помню, допрашивали нас или нет, военные там были, охраняли нас. Мы свободно ходили среди немецкого населения, которое там оставалось, наш лагерь был около какого-то поселка. Не помню, сколько был в этом лагере – 2 или 3 недели, помню, картошку копали там, полусырую, ещё не крупной она была, ели. Потом нас погрузили в вагоны и привезли под Львов, в фильтрационный пункт. Вот там уже лагерь был тот, в котором нас допрашивали, фильтровали – кого в Сибирь, а кого домой. В нем я пробыл около месяца, кормили нас плоховато. Там рынок был такой в лагере, могли что-то покупать из еды, население нам через проволоку приносило. Допрашивали нас военные, спецы какие-то, но форма лётчика была. Допрос как был: просто спрашивали как, что, каким образом попал, как там был. У американцев мы тоже на такие вопросы отвечали, тоже опрос какой-то был один раз. Получил я лист и мог ехать любым транспортом, каким только хотел домой в Краснодар.

Я обязан был явиться в НКВД. Меня опять допрашивали, а потом газету выписали нам бесплатно, чтоб мы освоились, ведь сколько лет были оторваны от жизни, т.е. политработа проводилась. Потом ещё несколько раз вызывали, но это уже было КГБ. Я не знаю, снята подписка или нет, я не должен разглашать, что там было, потому что там брали подписку о неразглашении того, что у меня спрашивали.

Так как я попал в оккупацию девятиклассником, то закончил 10 класс и поступил в азербайджанский институт, на энергетический факультет, а потом его передали в московский институт. Я, вообще, инженер-электрик, электрик потому, что работал в Германии на электротехническом заводе и посмотрелся, понимал кое-что. Да и до войны я на радиокружок ходил во дворце пионеров.



В 1945 г. я устроился в краевые киноремонтные мастерские мастером по ремонту усилительной аппаратуры. Работал сначала учеником, а потом доработался до зам. начальника. Мы делали и ремонтировали киноаппаратуру для всего края. В 1959 г. я закончил институт, и после защиты проработал в кинопрокате контролёром на экране фильмов. А потом была работа в большом институте Севкавгипропишепром, на котором я и проработал до самой пенсии. Начинал работу простым инженером-электриком проектировщиком, а закончил главным инженером проектов.

Я не мог очно поступить учиться, только заочно, потому что была графа «Был в Германии». Потом, когда я уже в институте работал главным инженером проектов, и под моим руководством проектировались заводы, так мне даже со страны нельзя было выехать с командировкой, а мои товарищи многие, кто на Кубу ездил, кто в Европу, а я – сорт не тот. Хотя, между прочим, я поступил в комсомол, и мои друзья давали за меня поручительство. Правда, когда они узнали про меня, им не сильно досталось за это поручительство. Позже у меня были друзья, директор завода и заведующий отделом кадров, и они уговаривали меня в партию вступить. Я сказал, что не хочу всё это поднимать, всё это рассказывать и заново доказывать, мне это не надо. Я знаю, что такое фашизм, я испытал это на своей шкуре».

Об этой войне мы чаще говорим в ракурсе событий «огромных и славных». Патриотизм, бесстрашие, героизм, самопожертвование во имя Родины – все эти реалии тех военных дней стали достоянием истории. Но ведь были и те, кто не совершал воздушный таран, не закрыл собой амбразуру дота, не расписался на стене поверженного рейхстага. Однако сама их жизнь, способность выжить – уже и есть подвиг. И этот подвиг забывать нельзя.



**Список литературы:**

1. Загладин Н.В. Новейшая история зарубежных стран. XX век. 9 класс. М., 2009
2. Краснодар в годы Великой Отечественной войны. Краснодар: Советская Кубань, 2008
3. Нацистские концлагеря в годы Второй мировой войны / Справка / лента новостей «РИА Новости»: <http://ria.ru/spravka/20100427/227000409.html>
4. Нацистские концлагеря в годы Второй мировой войны <http://www.gorod72.info/vopros/292-kz.html>